

УДК 821.161.1 (Русская литература)

СОН ТАТЬЯНЫ КАК ПРЕДВЕСТИЕ СМЕРТИ ОНЕГИНА

© 2023 В.И. Пимонов

*Пимонов Владимир Иванович, кандидат филологических наук,
профессор-эмерит (Копенгаген, Дания)*

E-mail: ivpet65@mail.ru

Институт кино и телевидения (ГИТР)

Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 02.02.2023

Объект исследования: сон Татьяны в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (ЕО, V, XI-XXI). Предмет исследования: поэтика сна Татьяны. Цель: выяснение роли сна в композиционной структуре романа. Результаты: финальная сцена сна, в которой Онегин убивает Ленского ударом ножа, оказывается скрытым предвестием символической смерти самого Онегина в финале романа (ЕО, 8, XLVIII, 1-10). Мотив гибели главного героя завуалирован в буквенно-звуковом рисунке текста, который содержит в себе анаграмму слова «нож». Насыщение фонетической ткани текста повторами звуков «н, ж, ш» создает переключку эротического мотива, звучащего в строфах о женских «ножках», с мотивом смерти от удара «ножом». Отголосок темы женских «ножек» в предбрачном сневидении Татьяны («То в хрупком снеге с ножки милой / Увязнет мокрый башмачок») акустически подготавливает появление длинного «ножа», который выступает и орудием убийства, и фаллическим символом. В финальной сцене романа мотив ножек и мотив ножа неожиданно совмещаются в звуковом каламбуре «но шпор незапный звон раздался» (8, XLVIII), в котором фонетически соединены нож [нош] и шпора как метонимическая замена ноги. Область применения: литературоведение, пушкинистика, преподавание русской литературы XIX в. Выводы: сон Татьяны включает в себе не только явное предвестие реальной гибели Ленского на дуэли, что многократно отмечалось в пушкинистике, но и скрытое предвестие символической смерти Онегина. Вероятность этой подспудной семантической интерпретации сна обусловлена звуковой организацией текста (повторы, анаграмма).

Ключевые слова: Пушкин, Татьяна, Онегин, сон, предвестие, звуковой повтор, анаграмма, сюжет

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-86-91

*Автор признателен С.М. Грачевой, О.Б. Заславскому, Н.Я. Троицкому и Дану Уитмену
за стимулирующее обсуждение и ценные советы.*

Введение. О сне Татьяны в романе «Евгений Онегин» (ЕО, V, XI-XXI) написано много, в том числе ведущими пушкинистами. Выявлена его богатая психологическая и историко-литературная подоплека [5, с. 265-268], но более всего сказано о его фольклорном, ритуальном и мифологическом подтексте. Между тем, важность роли сна Татьяны в композиционной структуре романа подсказывает перенос акцента с историко-литературной, психологической и фольклорной подоплеку на собственно поэтический модус.

Метод исследования: работа опирается на структурно-семантический подход, нацеленный на рассмотрение сна во взаимосвязи его структуры и смысла.

История вопроса. Первые литературоведческие истолкования сна Татьяны относятся к концу XIX века [7]. История его интерпретации

изложена в статье [16, с. 487-503]. В работе Ю.М. Чумакова [14, с. 104] дан основной список имен выдающихся литературоведов, писавших о сне. Итог предыдущих исследований подведен в [10, с. 145-155].

Предвестие смерти Ленского. Стало общим местом говорить о пророческой роли сна Татьяны: «Пушкинисты <...> всегда писали о связях «Сна Татьяны» и романа, отмечая, как правило, предварение будущих событий фабулы» [14, с. 172]. Пророческую подоплеку сна можно разделить на две части: первую связывают с будущим замужеством Татьяны (медведь / Онегин в роли жениха), вторую - с убийством Онегиным Ленского. Нас интересует прежде всего эта вторая составляющая. В критике считается, что сон служит предвестием убийства Ленского на дуэли: «во сне Татьяны <...> есть предвидение факта, не поддающегося рассудочному

толкованию: предвидение убийства Ленского Онегиным» [2, с. 94]. Предлагалась и психологическая трактовка: «Вещий сон Татьяны <...> не только предвещает убийство Онегиным Ленского, но и заставляет героиню смутно осознать сущность того, отнюдь не бесплотного чувства, которое питает она к Онегину» [8, с. 195]. Тезис о сне как предвестии дуэли, повторен в другой работе: «... очевиден пророческий смысл сна: в нем предсказывается центральный трагический эпизод романа - убийство Онегиным Ленского» [6, с. 218-222]. Соображение о более сложной композиционной роли сна Татьяны, чем предвестие дуэли, было высказано в раннем исследовании: «Значительная по своей величине часть — эпизод сна Татьяны — не может быть объяснена как случайно разросшийся прием предварения: она несет в себе обязанности гораздо более сложные и, с точки зрения архитектуры романа, вполне целесообразна» [11, с. 308]. На сегодняшний день сон как предвестие смерти Ленского на дуэли остается в пушкинистике общепринятым постулатом.

Спор громче, громче; вдруг Евгений
Хватает длинный **нож**, и вмиг
Повержен Ленский; страшно тени
Сгустились; нестерпимый крик
Раздался... хижина **шатнулась**...
И **Таня** в ужасе проснулась....
(ЕО 5, XXI, 1-6).

Бросается в глаза продергивание через всю строфу звуков «**н, ж, ш**», перестановка которых в разных словах в комбинации с «**о**» образует слово *нож*. Таким образом, ключевое слово сцены, обозначающее орудие убийства (и служащее *знаком смерти*) зашифровано в анаграмме. Под анаграммой понимается перестановка букв в слове или в нескольких словах в любом порядке, образующая новое слово [3, с. 165]. Появление *ножа* в сцене убийства подготовлено звукописью в первой части сна Татьяны: «Медведь промолвил: здесь мой кум: / Погрейся у него **немножко!**» (в наречие *немножко* «вмонтировано» существительное - *нож*, - В.П.).

Она ушла. Стоит Евгений, ([**о-н-ш**] = **нож**)
Как будто громом поражен. ([параж`**он**] = **нож**)
В какую бурю **ощущений**
Теперь **он** сердцем **погружен!** ([пагруж`**он**] = **нож**)
Но шпор **незапный** звон раздался, ([**ношпор**] = **нож**)

Предвестие смерти Онегина. В настоящей работе предлагается трактовка сна Татьяны, согласно которой в нем заключено не только очевидное предвестие реального убийства Онегиным Ленского на дуэли, но и скрытое предвестие символической смерти самого Онегина в финале романа.

Результаты исследования. Принципиальное различие между смертью Ленского в сне Татьяны и его реальной гибелью обусловлено тем обстоятельством, что на дуэли Онегин убивает его выстрелом из пистолета, а в сновидении - ударом ножа. Такая смена орудия убийства одного и того же персонажа сначала в сновидении, потом - наяву, не может быть случайной. По существу, мы имеем дело с двумя убийствами Ленского. Покажем, что появление мотива *ножа* в сне Татьяны имеет содержательный смысл в сюжете.

Анаграмма. Рассмотрим звуко-буквенный узор финального эпизода сна Татьяны, в котором Онегин убивает Ленского (буквы в тексте выделены нами для более наглядной демонстрации звукописи, - В.П.).

Заметим, что предвестия, выраженные с помощью звукописи, характеризует весь текст сна Татьяны. Например, звуки в строке: «Другой с **петушьей** головой» предвещают приход на именины Петушкова - «Уездный франтик **Петушков**»; «Там **карла** с хвостиком» - появление Харликова - «С семьей Панфила **Харликова**»; «Вот **рак** верхом на пауке» - приезд Трике - «Приехал и мосье **Трике**». [1, с. 178-192].

Звуковой узор. Теперь присмотримся к звуко-буквенному узору финальной сцены романа (в скобках нами выделены повторяющиеся буквы и звуки, которые при перестановке образуют анаграмму слова *нож*, - В.П.):

И муж Татьянанин показался, ([ш-н-н-о] = нож)
И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда...
(ЕО 8, XLVIII, 1-10)

Насыщение текста финальной сцены романа звуковыми повторами «н, ж, ш» снова образует анаграмму слова *нож*, связанного в сне Татьяны со смертью. Страдательные причастия «поражен» и «погружен», обозначающие обездвиженное состояние Онегина в концовке, фонетически перекликаются с причастием «повержен», которое обозначает смерть Ленского в сне. При прочтении последнего слога всех трёх слов справа налево [жон] звучит слово *нож*.

Шпора генерала. Изошренным образом мотив *ножа* закамуфлирован в звуковом узоре строки «**Но шпор незапный звон** раздался», первые три буквы которой звучат как [нош] - *нож*. Этот прием напоминает разновидность звуковой игры, которую А.С. Пушкин однажды использовал во фразе: «Детина полуумный лежит на диване» - «Дети на полу, умный лежит на диване» [12, с. 13-14].

Нож в сердце. Мы показали, что мотив *ножа*, связанный с темой *смерти* в сне Татьяны, неожиданно вновь читается в звуковой партитуре финальной сцены романа. Мотив повторяется в двух узловых точках сюжета, что допускает его интерпретацию: в первом случае – как предвестия, а во втором – как актуализацию этого предвестия. Прием предвестия обычно характеризуется реализацией иносказания в буквальном смысле. В данном случае ситуация обратная: «реальное» событие - убийство ножом (хотя и происходящее в сновидении) актуализируется в основном действии в иносказательной форме. В финальной сцене романа спрятанный

в анаграмме мотив *ножа* ассоциируется с символической гибелью Онегина. Обрыв повествования содержит намек на конец главного героя, оставляя простор для воображения пушкинистов. Иногда художники и режиссеры пытаются выразить скрытый замысел автора: в финале балета «Онегин» в постановке Бориса Эйфмана оскорбленный муж засаживает главному герою под сердце острый нож [13, с. 15].

Дон Гуан. Идея о вероятной смерти героя в результате столкновения с неожиданно «показавшимся» мужем Татьяны высказывалась ранее [9, с. 79]. Заключительную сцену романа также сопоставляли с гибелью Дон Гуана в «Каменном госте»: «Удар грома (пусть метафорический), звон шпор <...>, злая минута и оставление навсегда - едва ли не полный, хотя и собранный по частям, эквивалент картины гибели Дон Гуана» [4, с. 41].

Ножки и нож. Звуко-буквенный узор, сотканный с помощью продергивания через текст согласных «н, ж, ш», образует неожиданную перекличку мотива *ножа* с мотивом женских *ножек*. Эта перекличка образует ассоциативную связь между эротической темой, выраженной мотивом женских *ножек*, и темой смерти, выраженной мотивом *ножа*. Звукопись в строфах о *ножках* фонетически предвещает появление *ножа* в сне Татьяны. Приведем строки, характеризующие звуковую оркестровку мотива (в скобках нами выделены согласные, входящие в состав слов *ножки* и *нож*):

Театр уж полон; ложи блещут; (ш-н-ж)
И, взвившись, занавес шумит. (ш-н-ш)
Блистательна, полувоздушна, (н-ш-н)
Смычку волшебному послушна, (ш-н-ш-н)
Толпою нимф окружена, (н-ж-н)
Другую медленно кружит, (н-н-ж)

Звуковая подготовка мотива женских *ножек* повтором звуков *н-ж-ш* завершается ее реализацией в последней строке строфы, в которой подспудно звучит и слово *нож* [нош]: «И быстрой **ножкой** **ножку**

бьет». (ЕО 1, XX). Тот же прием звуковой подготовки слова *ножки* повтором **н-ш-ж** слышится в последующих строфах:

Вот **наш** герой подъехал к сеньям; (**н-ш-н**)
Швейцара мимо он стрелой (**ш-н**)
Вошел. Полна народу зала; (**ш-н**)
Кругом и шум и теснота; (**ш-н**)
Бренчат кавалергарда шпоры; (**н-ш**)
Летают **ножки** милых дам; [**нош**]
(ЕО 1, XXVIII)

Я много жизни погубил! (**н-ж**)
Люблю я бешеную младость, (**ш-н**)
Люблю их **ножки**; только вряд [**нош**]
Три пары стройных женских ног. (**ж-н-н**)
Две **ножки**...[**нош**]
(ЕО 1, XXX)

Фаллический символ. Отголосок мотива женских *ножек* в сновидении Татьяны («То в хрупком снеге с **ножки** милой / Увязнет мокрый башмачок» - 5, XIV) акустически подготавливает появление в действии **ножа**, который выступает не только орудием убийства, но и фаллическим символом. Эротическая подоплека финальной сцены сна, где Татьяна на скамье «чуть жива лежит» и с ужасом наблюдает за тем, как Онегин «хватает длинный нож», выявляется в контексте женской символики «двери», в которую «украдкою глядит» Онегин: «Онегин за столом сидит /

И в **дверь** украдкою глядит...» (8, XVII) В то время, как Татьяна «И любопытная теперь / Немного **растворила дверь** ...» (5, XVIII). И далее: «Татьяна силится бежать: / <...> / Не может; **дверь** толкнул Евгений: / И взорам адских сновидений / Явилась **дева**» [15, с. 503-504]. Картина пробуждения Татьяны в момент «нестерпимого крика» имеет очевидный эротический подтекст, аранжированный чередованием звуков **ж-н-ш**, образующих в сочетании с **о** анаграмму слова *нож* (ср. «длинный нож» Онегина):

Повержен Ленский; страшно тени (**ж-н-н-ш-н-н**)
Сгустились; нестерпимый крик
Раздался... хижина **шатнулась**... (**ж-н-ш-н**)
И Таня в ужасе проснулась.... (**н-ж-н**)
(5, XXI)

Башмачок и сапог. В финальной сцене романа мотив *ножек* и мотив *ножа* неожиданно совмещаются в упомянутом выше звуковом каламбуре «**но шпор** незапный звон раздался» (8, XLVIII). Здесь фонетически соединены *нож* [**нош**] и *шпора* [**ношпор**], которая служит метонимической заменой *ноги*. Подспудно слышится и переключка между *башмачком на женской ножке* Татьяны («То в хрупком снеге с *ножки* милой / Увязнет мокрый башмачок» - 5, XIV) и *сапогом на мужской ноге* ее мужа, поскольку *шпоры* крепятся именно на этом виде обуви. Вместо эфемерной *ножки* Татьяны, о которой привидевшийся ей в предбрачном сне «жених»-Онегин сказал «Мое!» (5, XX, 1), наяву перед Онегиным материализуются *ноги* ее мужа-генерала,

чье появление предваряется «звоном шпор». Виртуальный контраст между *ножкой* милой Татьяны и *ногами* ее мужа (в сапогах со *шпорами*) имеет предвестие в первой главе: «Бренчат кавалергарда *шпоры*; / Летают *ножки* милых дам» (ЕО 1, XXVIII).

Выводы. Сон Татьяны включает в себе не только явное предвестие реальной гибели Ленского на дуэли, что многократно отмечалось в пушкинистике, но и скрытое предвестие символической смерти Онегина в финале. Мотив *ножа*, связанный с темой *смерти* в сне Татьяны, обретает неожиданное звучание в заключительной сцене романа, в которой он зашифрован в анаграмме. Вероятность подспудной семантической интерпретации сна Татьяны как

предвестия гибели Онегина обусловлена звуковой организацией текста (повторы, анаграмма). Звуко-буквенный узор «Евгения Онегина»

содержит подспудные смыслы, обнаружение которых становится возможным при углубленном всматривании и вслушивании в текст.

1. Гербстман, А. И. Звукопись Пушкина // Вопросы литературы. – 1964. – № 5.
2. Гершензон, М. О. Сны Пушкина // Пушкин. Сб. 1. – М.: 1924. – 385 с.
3. Давыдов, С. С. Звуковое хозяйство Пушкина // Stanford Slavic Studies. Volume 35. Russian Literature and the West. A Tribute for David M. Bethea, part 1. – Stanford, 2008. – 356 p.
4. Жолковский, А. К. К описанию смысла связного текста. VI : Ч. I / Предварительные публикации / Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Выпуск 76. – М.: 1976. – 48 с.
5. Лотман, Ю. М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. – Л.: Просвещение, 1983. – 416 с.
6. Матюшенко, А. Г., Панков Ф. И. Сон Онегина (к вопросу о зеркальности композиции романа в стихах А.С. Пушкина). Сборник: Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. Том 7. – М.: МГУ, 2005. – 240 с.
7. Миллер, В. Ф. Пушкин, как поэт-этнограф: с приложением неизданных народных песен, записанных А. С. Пушкиным / [соч.] проф. Всеволода Миллера. – М., 1899. – 63 с.
8. Осповат, Л. С. «Влюбленный бес»: Замысел и его трансформация в творчестве Пушкина 1821–1831 гг // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Т. 12. – Л.: Наука, 1986. – 464 с.
9. Пимонов, В. И. Что случилось с Онегиным? Поэтика финала пушкинского романа. Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. –Т. 24. – № 85. – С. 78-83.
10. Попович, Т. А.С. Пушкин в диалоге с другим. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2018. – 253 с.
11. Самарин, М. П. Из маргиналий к «Евгению Онегину». Место и роль сна Татьяны в композиции «Евгения Онегина» // Наукові записки науководслідчої катедри історії української культури. – 1927. – № 6. – 487 с.
12. Федин, С. Н. Равнобуквицы // «Тит». – 2001. – № 11. – С. 13-14.
13. Федорченко, О. Нож в сердце Онегина. Газета «Коммерсантъ С-Петербург». – № 40. – 06.03.2009.
14. Чумаков, Ю. М. Сон Татьяны как стихотворная новелла // Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина: Сб. - СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 1999. – 432 с.
15. Gregg, R. A. Tat'yana's Two Dreams: The Unwanted Spouse and the Demonic Lover // The Slavonic and East European Review. – 1970. – Vol. 48. – No. 113. – Pp. 492-505.
16. Matlaw, R. E. The Dream in «Yevgeniy Onegin», with a Note on "Gore ot Uma" // The Slavonic and East European Review. – 1959. – Vol. 37. – No. 89. – Pp. 487-503.

TATYANA'S DREAM AS A FORESHADOWING OF ONEGIN'S DEATH

© 2023 V.I. Pimonov

Vladimir I. Pimonov, Ph.D in Philology, professor emeritus

(Copenhagen, Denmark)

E-mail: ivpet65@mail.ru

GITR Film & Television School

Moscow, Russia

Object of the article: Tatyana's dream in the novel in verse by A. S. Pushkin "Eugene Onegin" (EO, V, XI-XXI). Subject of the article: the poetics of Tatyana's dream. Purpose of research: discovering the role of the dream in the compositional structure of the novel. Results: the author argues that the final scene of Tatyana's dream, in which Onegin kills Lensky with a knife, is, in fact, a covert foreshadowing of the symbolic death of Onegin himself at the end of the novel (EO, 8, XLVIII, 1-10). The motif of the protagonist's death is concealed in the letter-sound pattern of the text that contains an anagram of the word knife (nozh). Tense repetition of sounds н-ж-ш (n-zh-sh) throughout the novel creates a connection between the erotic motif in the stanzas devoted to praising women's "legs" (nozhi) and the motif of death from a "knife" (nozh) strike. An echo of the motif of women's "legs" (nozhi) in Tatyana's prenuptial dream ("To v hrupkom snege s nozhki miloj / Uvjaznet mokryj bashmachok") acoustically foreshadows the appearance of a long "knife" (nozh), which has a double meaning: as a murder weapon and a phallic symbol. In the final scene of the novel, the motif of legs [noshki] and

the motif of the knife [nosh] are unexpectedly combined in a sound pun “no shpor nezapnyj zvon razdalsja” (8, XLVIII) in which the knife [nosh] is phonetically connected with the spur [no-shpor] that is a metonymic replacement of the foot. Field of application: literary criticism, Pushkin studies, teaching Russian literature of the 19th century. Conclusion: Tatyana's dream contains not only an obvious foreshadowing of the real death of Lensky in a duel, which has been repeatedly mentioned in Pushkin studies, but also a covert foreshadowing of Onegin's symbolic death. The possibility of this alternative semantic interpretation of the dream is based on the sound pattern of the text (repetitions, anagram).

Key words: Pushkin, Tatyana, Onegin, dream, foreshadowing, sound repetition, anagram, plot

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-86-91

1. Gerbstman, A. I. Zvukopis' Pushkina (Pushkin's Sound Pattern) // *Voprosy literatury (Problems of Literature)*. – M.: 1964. – № 5.
2. Gershenzon, M. O. Sny Pushkina (Pushkin's Dreams) // *Pushkin. Sb. 1.* – M., 1924. – 385 s.
3. Davydov, S. S. Zvukovoe hozjajstvo Pushkina (Pushkin's Sound World) // *Stanford Slavic Studies. Volume 35. Russian Literature and the West. A Tribute for David M. Bethea, part 1.* – Stanford, 2008. – 356 p.
4. Zholkovskij, A. K. K opisaniju smysla svjaznogo teksta (On the description of the meaning of the connected text). VI : Ch. I / *Predvaritel'nye publikacii (Preliminary Publications)* / Institut russkogo jazyka AN SSSR. Problemnaja gruppa po jeksperimental'noj i prikladnoj lingvistike (The Institute of the Russian Language of the Academy of Sciences of the USSR. A research group on the experimental and applied linguistics). Vypusk 76. – M.: 1976. – 48 s.
5. Lotman, Ju. M. Roman A.S. Pushkina «Evgenij Onegin». Kommentarij (A.S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin". Commentary). – L.: Prosveshhenie, 1983. – 416 s.
6. Matjushenko, A. G., Pankov F. I. Son Onegina (k voprosu o zerkal'nosti kompozicii romana v stihah A.S. Pushkina) (Onegin's Dream (on the problem of a mirror composition of the novel). *Sbornik: Slovo. Grammatika. Rech'.* (Collection: Word – Grammar – Speech) Vyp. VII: *Sbornik nauchno-metodicheskikh statej po prepodavaniju RKI (A Collection of scientific-methodological papers on teaching RKI)*. Tom 7. – M.: MGU, 2005. – 240 s.
7. Miller, V. F. Pushkin, kak pojet-jetnograf: s prilozheniem neizdannykh narodnykh pesen, zapisannykh A. S. Pushkinym (Pushkin as a Poet-ethnographer: with a supplement of the unpublished folk songs, put down by A.S. Pushkin) / [soch.] prof. Vsevoloda Millera (writings of professor Vsevolod Miller). – M., 1899. – 63 s.
8. Ospovat, L. S. «Vljublennyj bes»: Zamysel i ego transformacija v tvorcestve Pushkina 1821–1831 gg («The Devil in Love»: The Idea and its Transformation in work of Pushkin in 1821-1831) // *Pushkin: Issledovanija i materialy / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin Dom). (Pushkin: Research and Materials / The Academy of Sciences, USSR. The Institute of the Russian Literature (The Pushkin House).* T. 12. – L.: Nauka, 1986. – 464 s.
9. Pimonov, V. I. Chto stalos' s Oneginym? Pojetika finala pushkinskogo romana (What Happened to Onegin? The Poetics of the End in Pushkin's Novel) // *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki (Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences)*. – 2022. – T. 24. – № 85. – S. 78-83.
10. Popovich, T. A.S. Pushkin v dialoge s drugim (A.S. Pushkin in a Dialog with the Other). – Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2018. – 253 s.
11. Samarin, M. P. Iz marginalij k «Evgeniju Oneginu». Mesto i rol' sna Tat'jany v kompozicii «Evgenija Onegina» (From the Notes on "Eugene Onegin". The Place and Role of Tatyana's Dream in the composition of "Eugene Onegin") // *Naukovi zapiski naukovodoslidchoj katedri istorii ukraïnskoj kul'turi (Scientific Notes of the Scientific-research Department of the History of the Ukrainian Culture)*. – 1927. – № 6. – 487 s.
12. Fedin, S. N. Ravnobukvicy (Pantogramms) // «Tit». – 2001. – № 11. – S. 13-14.
13. Fedorchenko, O. Nozh v serdce Onegina (The Knife in the Heart of Onegin). *Gazeta "Kommersant" ("Commerzant" newspaper)*. – № 40. – 06.03.2009.
14. Chumakov, Ju. M. Son Tat'jany kak stihotvornaja novella (Tatyana's Dream as a Short Story in Verse) // *Chumakov Ju. N. Stihotvornaja pojetika Pushkina (Pushkin's Poetics in Verse): Sb.* – SPb.: Gosudarstvennyj Pushkinskij teatral'nyj centr v Sankt-Peterburge, 1999. – 432 s.
15. Gregg, R. A. Tat'yana's Two Dreams: The Unwanted Spouse and the Demonic Lover // *The Slavonic and East European Review*. – 1970. – Vol. 48. – No. 113.
16. Matlaw, R. E. The Dream in «Yevgeniy Onegin», with a Note on "Gore ot Uma" // *The Slavonic and East European Review*. – 1959. – Vol. 37. – No. 89.